

АННА ГОЛВИН

ПЕРЕВЕРНУТАЯ
БАШНЯ:
ТРОПА ПЕРВЫХ

18+

Анна Голвин

**Перевернутая
башня: тропа первых**

«Автор»

2026

Голвин А.

Перевернутая башня: тропа первых / А. Голвин — «Автор», 2026

Какие-то истории заканчиваются поражением или победой, но путь по тропе первых начнется с пепелища. Мария и Кaleb, ступая по следу, оставленному грабителями, ищут ценнейший груз, который способен предрешить исход битвы. Мир магов и мир людей на двух чашах весов, где перевес на стороне магии, но наследница короля Эвальда II не может отступить, не может предать учение своего погибшего отца, а значит, путь начнется здесь и сейчас. Первая книга из цикла "Перевернутая башня", события происходят спустя 20 лет после знаковой битвы "Плач стали", инициатором которой выступила Коалиция Магических Княжеств под предводительством Первого Мага, напав на Империю Первого Солнца во главе с Эвальдом II. Пораженная сторона — Империя Первого Солнца, мир людей пал.

© Голвин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Г	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Голвин

Перевернутая башня: тропа первых

Глава 1

Я всегда знала, что однажды сделаю эту запись в дневник. «Сегодня мне исполнилось двадцать лет, и впервые за все эти годы я почувствовала, что время, которое так долго оставалось неподвижным, наконец начало двигаться, неминуемо приближая меня к цели. Через несколько дней в Каэрд доставят устройство короля Эвальда II, последнее незавершенное творение моего отца. Это мое наследие от человека, которого я никогда не видела, но чья тень сопровождала меня с самого рождения. И, возможно, именно поэтому я пишу эти строки. Я пишу их не для себя, а для тех, кто когда-нибудь захочет узнать правду о том, как все началось. Для тех, кто будет жить после нас и, возможно, будет судить о наших поступках, не зная, какой ценой они были совершены. История редко запоминает людей такими, какими они были на самом деле. Она оставляет только имена. Королей превращает в символы, войны — в даты, а погибших — в цифры, но за каждым именем когда-то был живой человек. Мой отец был не только последним королем Королевства Первого Солнца, он был ученым, исследователем, человеком, который верил, что разум способен изменить мир сильнее, чем меч или магия.

Мне рассказывали, что, еще будучи принцем, он много путешествовал по землям людей и магов, изучал древние знания, собирал сведения о природе дара, который веками считался привилегией избранных. В те годы магические княжества были разделены между собой и каждое из них жило по своим законам, эпизодически велись междоусобные кровопролитные войны. Во главе каждого стоял сильнейший представитель рода — князь или княгиня, чье положение подтверждалось не только происхождением, но и победами в кровавых турнирах. Проигравший в турнире мог попросить пощады и уйти в изгнание, но большинство выбирало смерть. Так они сохраняли честь, но мой отец считал это варварством и преступлением. Став свидетелем одного из турниров, он впервые задумался над созданием устройства, которое могло бы изменить устоявшийся порядок.

Мой отец считал, что если люди и маги перестанут жить во лжи, если каждый будет знать свое место без необходимости доказывать его через кровь и смерть, то мир сможет измениться. И его светлое, бескорыстное желание легло в основу создания аппарата рангового измерения магии (АРИМ). При исследовании использовалась кровь испытуемого, а результаты были точными и однозначными в любой момент измерения. Так всего лишь одно устройство пошатнуло многовековую традицию кровопролития и правопреемства в наследовании трона каждого княжества. Магическая аристократия была возмущена, но часть князей и княгинь смогли подтвердить свое превосходство, в некоторых княжествах власть действительно сменилась. Можно сказать, изобретение АРИМа изменило абсолютно все, и для моего отца в этом не было абсолютно никакой выгоды, просто он не мог иначе. Его мучила одна мысль о том, что буквально соседние государства регулярно поощряют убийство детей, женщин и стариков в ходе поединков. Что это считается честью, а цель — достижение власти.

Но его мотивы, несмотря на кажущуюся прозрачность, обрастали слухами, версиями о его истинных мотивах, от чего в магическом сообществе росло напряжение. Наиболее убедительной стала версия о том, что во время своей большой поездки по магическим княжествам, Эвальд II посетил провидицу Лунимару, но не только для того, чтобы измерить ее магический ранг, но и для получения персонального пророчества. И то, что она сказала ему тогда, подстегнуло моего отца к созданию оружия против магов.

Как было на самом деле, никому доподлинно не известно, кроме Лунимары и моего погибшего отца. Однако, Эвальд II не был человеком, который слепо верил предсказаниям, он полагался на расчеты, наблюдения и доказательства. Но, как мне рассказывали, даже он понимал: иногда существует нечто, что невозможно измерить ни одним прибором.

По мере того, как АРИМ приживался среди магического населения, слухи росли и множились, но во всех них красной нитью угадывалась мысль о том, что Эвальд II не более, чем изощренный монарх, стремящийся к абсолютной власти. И что АРИМ был лишь частью другого, более страшного изобретения. После коронации мой отец действительно начал вести почти отшельнический образ жизни, с головой уйдя в новые исследования и разработки, взяв себе нескольких учеников, он подолгу отсутствовал в экспедициях.

И никто, кажется, не знал, над чем именно он трудится. А маги тем временем менялись. То, что веками казалось невозможным, стало реальностью: разрозненные княжества, которые прежде не действовали совместно, постепенно объединились под предводительством одного человека. Так появилось государство Объединенных Магических Княжеств, во главе которого оказался Первый Маг с самым высоким уровнем магических способностей. Человек, который и для мира людей, и для мира магов был невидимкой до того момента, как он сам добровольно не пришел измерить ранг своих магических способностей, повел магическое государство на войну с Королевством Первого Солнца и победил.»

В саду резко прокричала ночная птица, а я отложила перо в сторону и задумалась. Не раз я возвращалась к мыслям о том пророчестве и его трактовках. Во многом оно легло в основу речей Первого Мага о необходимости войны и о том, что нужно наступать, пока у людей не появилось оружие, способное сокрушать целые княжества.

«...Король Эвальд, ваше изобретение перевернет мир, но не так, как Вы того ожидали...»

«...Желание остановить кровопролитие приведет к еще большим смертям...»

ГЛАВА I. Дивный новый мир.

Я узнала о случившемся ночью. Не из доклада, не из официального сообщения, которое Совет непременно попытался бы смягчить, обернув каждую смерть в аккуратные формулировки, а может, и вовсе утаив детали. Моя привычка подслушивать, подсматривать, лазать по деревьям и прятаться по углам всегда становилась предметом обсуждения и осуждения. "Не пристало", "недостойно", "юной леди не..."

Но, признаться, в изгнании развлечений остается не так уж и много, особенно если сегодня твой день рождения, а вместо поздравлений в семейном кругу или пышного бала ты получаешь огромное количество опостылевших напутствий и напоминаний об обязательствах. После того, как я сделала первую запись в своем дневнике, я никак не могла уснуть. Под гнетом мыслей комната казалась тесной и душной, и я отправилась бродить по усадьбе. В это время в коридорах нельзя было встретить даже прислугу, а ночной сад казался мне всегда особенно красивым и тихим. Конечно, даже в Каэрде в начале весны еще было недостаточно тепло, но ночная наледь с перилл балкона и садовой гранитной плитки исчезла уже как пару недель назад, сквозь открытые окна можно было почувствовать ароматы трав и первых цветов. Деревья набухли почками, земля стала мягче и податливее. Полагаю, в белой ночной рубашке и с распущенными косами в ночном саду среди статуй и вазонов меня можно было принять за приведение, но за столько лет меня ни разу не поймали за моими ночными прогулками.

Я уже почти дошла до боковой лестницы, но неожиданно меня привлек свет в комнате для заседаний и шум голосов. Подкравшись к самым дверям, я прислонила ухо и принялась вслушиваться. Присутствующие там советники говорили достаточно громко, эмоционально, если бы они знали, что я слышу их, они бы проглотили свои языки, потому что в итоге я

подслушала крайне важный разговор о достаточно серьезном происшествии. Не знаю, что бы я предпочла, знать или не знать о случившемся.

Ведь именно сегодня, в день моего рождения, единственный «сюрприз» для меня приготовили люди, которых я не знала, никогда не видела, и он оказался неприятным. Беспокойство, нет, отчаяние в голосах было вызвано тем, что в дороге, почти на подступе к Каэрд, на караван напали. И нападавшие были не магами, а какими-то разбойниками, судя по тому, как грязно они выполнили работу. Ученого, сопровождавшего груз, жестоко убили, как и охранников, а их тела бросили прямо на тракте. А груз... Сам груз, естественно, исчез. Отпрянув от дверей, я устремилась прочь.

Я не особенно помнила, как вернулась в свою комнату, уже не беспокоясь о том, что меня кто-то заметит или услышит. В висках пульсировало, мысли закружились диким водоворотом. При свете одной тусклой свечи вся комната сжалась до размеров маленького круга света, который свеча была способна создать. Но даже в нем оставался один сгусток темноты — я. То сжимая кулаки до белых костяшек, то разжимая, я смотрела в одну точку и не знала, как долго это продолжалось.

Десятки лет разработок в лишениях, под угрозой смерти. Повышенная секретность. Труд моего отца, ради которого он погиб. Столько крови, столько жертв, столько... И ради чего? Ради того, что должно было оказаться в моих руках и должно было стать тем самым аргументом, основанием для нашей решительной победы над противником... Все, во что я верила, уничтожено, тот мир, к которому меня готовили, рухнул.

Кольцо на моей левой руке мерцало от колебаний пламени. И этот жар распространялся по телу, как лихорадка. Я знала наверняка, пока совет будет принимать решение, пройдет непозволительно много времени, и тогда шансов нагнать преступников по горячим следам не останется. Нужно было действовать, пока моя смелость мне не отказала, пока разум не возобладал над волей. И я не стану просить разрешения, я не позволю украсть у меня драгоценное время.

Я сбежала с первыми лучами солнца. Дом еще спал, когда я вышла через боковой выход, тот, которым обычно пользовались слуги. Никто не окликнул меня, никто не остановил. Возможно, они просто не верили, что я вообще могу покинуть усадьбу. В мешке, украденном с кухни, лежало все то необходимое для дороги, что я судорожно успела припомнить и прихватить: хлеб, твердый сыр, сушеное мясо, несколько яблок. Ничего лишнего... На всякий случай под плащом я закрепила нож, подаренный мне на восемнадцатилетие каким-то послом. Пользоваться я им, конечно, не умела, но зато я смогу нарезать яблоко в случае необходимости. Помимо необходимых вещей, я взяла обручальное кольцо моей матери, подарок отца на свадьбу, на котором он собственноручно сделал загадочную гравировку, а я так и не разгадала ее значение. Но оно успокаивало меня в тяжелые минуты, такие, как эти.

Каэрд, город, в котором я прожила большую часть своей жизни, я знала только по рассказам и редким поездкам на рынок в сопровождении охраны. Меня вывозили в закрытой карете, окна обычно были затемнены тканью, но в редкие моменты я старалась подглядывать. Иногда я слышала шум улиц, но не видела, кто и что их наполняет. До ушей доносились обрывки разговоров, крики торговцев и зазывал, шум ветра с моря, запах специй — бурлящая, чужая жизнь, к которой мне не позволяли прикоснуться. Когда посыльный бегал за покупками по моему списку, а я дожидалась в карете, я слышала, как торговцы и торговки каждый раз пытались выведать у посыльного, кто его госпожа. Он всегда обходился размытыми формулировками, а меня забавляли и озадачивали эти разговоры.

Одни считали, что я из дальних земель, богатая иностранка, приехавшая по чьему-то приглашению. Или заморская артистка танца Огня. Другие — что я внебрачная дочь кого-то из знати, которую прячут от лишних глаз. А может, я — аристократка в добровольном изгнании, потому что мое лицо обезображено. Наличие охраны лишь подстегивало эти слухи и множило

все новые и новые версии. Мое лицо никому не было известно. К чему была такая конспирация, я не знала. Разве мог бродяга или торговец узнать во мне дочь короля Эвальда II, принцессу Марию?

Но сейчас до меня на этих улицах никому не было дела. До сегодняшнего утра я ни за что не могла бы представить, что буду проходить по этим улочкам одна. Город, в который я вошла на рассвете, не был таким, каким он кажется на картах или когда по нему передвигаешься в закрытой карете. Каэрд начинался ниже, у берега моря, в трущобах и на рынке. Там, где улицы становились уже, дома теснее, а воздух — тяжелым и влажным. Мостовая была в помоях и грязи после недавно прошедшего дождя, а стены — потрескавшимися и блеклыми, они устали держать на себе слишком много грязи.

Несмотря на ранний час, город давно проснулся: люди, голоса, запахи. И слишком ясно чувствовалось, что мир, к которому я принадлежала, заканчивается где-то выше по улице — там, где не было грязи под ногами и страха в глазах, за воротами, украшенными золотыми цветами и райскими птицами.

Я попала в трущобы почти случайно, запутавшись в карте. И сразу поняла, что здесь случайностей не бывает. Рынок был тесным, шумным, живым до жестокости. Люди торговались, спорили, кричали, держали в руках то, что еще можно было обменять на завтрашний день. И почти все здесь выглядело так, как будто держится на последнем усилии. Впервые в жизни я видела бедность не как слово, а как аромат в воздухе. Неужели всего за двадцать лет народ от процветания и многообразия возможностей упал до такой отчаянной нищеты? Мой взгляд вырвал вывеску ломбарда из всей этой какофонии табличек, навесов и прилавков, но, зайдя внутрь, была удивлена, что даже в такой ранний час мне придется занять очередь.

Женщина у прилавка передо мной держала в руках бусы из жемчуга. Фамильные, как она сказала. Я сразу заметила, что жемчуг настоящий — его перламутровый блеск невозможно перепутать. А еще я заметила, как дрожали ее пальцы, когда она выкладывала ожерелье на стойку ломбарда, не желая выпускать его из рук. Она говорила тихо, слишком тихо для этого места, что ей нужны деньги на еду для детей. Она ни разу не подняла глаз на мужчину по ту сторону прилавка.

А он даже не попытался сделать вид, что его волнует тяжелая ситуация, в которой она оказалась, или что ему интересно, на что она потратит вырученные деньги. Он назвал цену, которая по моему мнению была оскорбительно низкой, но женщина не стала спорить, а просто кивнула и взяла монеты, которых было слишком мало.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось, когда ее молчаливая, ссутулившаяся фигура развернулась к выходу из ломбарда. Мне хотелось остановить ее, как-то помочь ей и ее детям. Сделать хоть что-то, но я вовремя одернула себя. И только в этот момент меня настигло озарение, что за пределами усадьбы, без окружения людей, верных моему отцу, без сладких речей о том, какой грандиозной будет наша победа, без моей комнаты со всеми вещами в ней — а ведь даже она не была моей — я ничем не отличаюсь от этой женщины. И если бы я не жила в золотой клетке, даже всех уцелевших реликвий моего рода не хватило бы, чтобы спасти меня от нищеты. Такие люди, как этот оценщик, превращают прошлое в жалкую горсть монет, которые кончатся быстрее, чем предаст память. Я сжала золотое кольцо моей матери в ладони. Металл был холодным, почти чужим. На мгновение почудилось, что оно тяжелее, чем раньше, ведь вместе с ним я держала все, чего от меня ожидали.

Когда я молча положила кольцо на прилавок, воздух вокруг словно изменился. Я смотрела на него дольше, чем следовало, оно никогда не было для меня просто украшением, но сегодня оно было красивее, чем когда-либо. Сегодня это было не просто кольцо, а связь — с именем, с происхождением, с тем, кем меня пытались считать, даже сейчас, когда я сбежала.

Оценщик взял его осторожно, как берут вещь, из-за которой может быть слишком много проблем. Прищурился, повертел в пальцах, и в его взгляде сразу появилось то, что мне не нра-

вилось больше всего — расчет. Долго, внимательно, без той ленивой наглости, с которой он оценивал жемчуг, он крутил и вертел единственное напоминание о моей матери в своих коротких пухлых пальцах. Потом он наклонился под прилавок и отсчитал нужную сумму, которая была честной, я бы даже сказала, слишком честной для этого места. Взяв деньги, я не сразу положила их в мешочек на поясе.

— Почему вы не пытаетесь меня обмануть? — спросила я.

Он хмыкнул, даже не подняв головы. Мне показалось, или он боялся посмотреть мне в лицо?

— Потому что вы точно знаете, сколько оно стоит, а главное — откуда оно родом.

Это было сказано так просто, словно мир делился не на богатых и бедных, а на тех, кого можно обмануть, и тех, кого нельзя. Я вышла из лавки с мешочком, полным монет, и ощущением, что впервые за долгое время меня увидели не как роль, а как человека, но почему-то от этого на душе было мерзко, как от плевка, куда больше, чем если бы оценщик обманул меня. Но все это было совершенно не важно... Я подумала, что поиски стоит начать с трактира, у меня слишком мало времени, чтобы найти грабителей. Медлить было нельзя.

***

Весенний закат разливался по небу столицы Империи Первой Силы, но выглядел обманчиво-теплым, как улыбка человека, который прячет за спиной нож. С высоты самой высокой башни в округе этот обман становился очевидным: потоки холодного ветра били по лицу и трепали полы одежды. Каменные стены не успевали прогреться за день, и потому на балконе было промозгло и неуютно. Башня стояла здесь задолго до появления самой Империи.

Когда-то она была частью старого монастыря, построенного в те времена, когда люди доверяли свое будущее не науке или магии, а вере. Здесь жили послушники и монахи — молчаливые люди в грубых одеждах, переписывающие книги при свете свечей и встречающие раскраснелые лица молитвами. Чем выше человек поднимался по узкой винтовой лестнице, тем дальше внизу оставался шумный, тревожный мир. С каждым шагом лишние мысли, сомнения и тяготы телесного мира становились слабее, сама высота очищала разум и душу.

Когда в город стали прибывать ученые со своими макетами и химическими опытами, а после них — иностранцы, привозящие с собой рассказы о магии и чудесах, монахи покинули столицу. Башня опустела почти на пятьдесят лет, пока отец Марии, король Эвальд II, прозванный Небесной головой, не основал в стенах бывшего монастыря университет. Весь комплекс был восстановлен, но скорее с инженерной, чем с архитектурной точностью. Башня же почти не изменилась, она просто замерла между эпохами.

При Эвальде II жизнь снова загудела в стенах бывшего монастыря. Территория Королевского Университета разделилась на четыре крыла: химия, физика, анатомия и биология. Старые кельи стали комнатами студентов, молельные залы — аудиториями и библиотеками, внутренние дворы наполнились голосами ученых и инженеров, которые каждую пятницу устраивали открытые чтения. В тени башни, прямо на траве, плечом к плечу сидели доктора наук, педагоги и студенты, с жаром споря, делясь идеями и оспаривая чужие теории. Разумеется, никому не пришло в голову использовать саму башню. С практической точки зрения она была абсолютно бесполезна.

Она и сейчас оставалась такой же, какой была при монахах: холодный серый камень, высокие ступени, стертые тысячами шагов. Ни золота, ни мрамора, ни роскоши — только тишина, запах сырости после дождя и ветер, гуляющий в трещинах стен. Единственным изменением с момента ухода монахов стала арка на балконе.

Со временем у горожан прочно закрепилась свадебная традиция. Еще прадед Марии, Эвальд I, приказал установить у входа на балкон башни золотую арку. Поскольку балкон находился у самого верха башни, именно здесь начался новый символ города. Жених и невеста поднимались на самый верх с двумя голубями, чьи лапки были перевязаны алыми атласными

лентами. На вершине, под открытым небом, среди ветра и колокольного звона столицы, они целовались, загадывали желание и отпускали птиц в небо, развязав ленты на их лапках, а после, как знак пылающих сердец, повязывали на арку.

Год за годом лент становилось все больше, только самый верх арки оставался обнажен. Ленты выпцветали, мокли под дождями, спутывались между собой, но продолжали развеиваться и трепетать на ветру. На закате золоченая арка вспыхивала в последних лучах солнца, а алые ленты металась в воздухе, напоминая живое пламя. Издалека чудилось, что верх башни объят огнем.

После прихода магов Первой Силы традицию запретили. Ее сочли слишком бессмысленной и сентиментальной, к тому же, она напоминала о свергнутой династии. Но ни арку, ни ленты так и не решились убрать. То ли не дошли руки, то ли никто не захотел первым срезать тысячи чужих пылающих надеждой сердец. Сам университет продолжал работу, превратившись в Академию Первой Силы и большую библиотеку книг о магии. Империя придерживалась ранговой системы во всем, и никаких жарких споров в этих стенах больше не было слышно. Башня осталась стоять над университетом — пустая, забытая, почти ненужная. Наверх теперь поднимались редко, к тому же, башня охранялась, как и весь академический комплекс.

Молодой мужчина ждал наверху башни, облокотившись на холодный каменный парапет балкона. Он стоял естественно, так, будто всегда принадлежал этому месту — не как гость и не как нарушитель, а как человек, которому башня позволила остаться. Здесь он позволял себе редкую роскошь не контролировать ни выражение лица, ни жесты, ни осанку, с его плеч невидимая рука снимала груз. Северо-западный ветер беспощадно трепал его темное одеяние, цеплялся за складки плаща и уносил вверх алые ленты, привязанные к золотой арке. В лучах заходящего солнца, среди выпцветшего шелка и золота, ничто не выдавало в нем одного из девяти верховных магов Совета Первой Силы.

— Ты знаешь, что эти чертовы ступени могут меня убить? — раздался женский голос в проеме.

На балкон поднялась запыхавшаяся женщина. Пряди волос прилипли ко лбу, щеки покраснелись, дыхание сбилось, и даже дорогой корсет не скрывал усталого, тяжелого дыхания под пышной грудью.

— Мадам Веледа, — мужчина повернул голову и улыбнулся, — уверен, Вы переживете и эти ступени, и всех нас. Но бросаться бранью в этих стенах я бы на вашем месте все же не стал.

— Чушь от начала и до конца, Саламандр, — она подошла к парапету и почти рухнула на камень грудью, — я могла бы догадаться, что тебе нравится число восемь больше, чем девять, раз ты так упорно пытаешь меня своими издевками и путешествиями. Вспомнить хотя бы ту проклятую экспедицию к Южному рубежу. На десятый день я уже была готова подписать указ о возвращении флота этих... как их... Дирижаблей. По крайней мере на них можно было путешествовать с комфортом.

Внешне Веледа производила впечатление человека, привыкшего к роскоши. Пышная фигура, мягкие руки, украшенные кольцами в драгоценных камнях, бледная кожа, не знавшая солнца, и тщательно подобранный наряд из синего шелка с жемчугом и кружевом — все в ней говорило о жизни, далекой от лишений. Саламандр слышал ее подъем по лестнице задолго до того, как она появилась на балконе. Он не помнил случая, чтобы Веледу удавалось застать врасплох. Даже на заседаниях совета она неизменно приходила последней — всегда безупречно собранная, с тщательно уложенными волосами и выверенным до мелочей туалетом. Саламандр считал это расточительством и блажью.

— Ну, полно Вам драматизировать. К тому же экспедиция, как я и предполагал, полностью себя оправдала. И, признаться, я надеялся, что шпионам и крысам будет лень забираться сюда вслед за нами в такой прохладный денек.

Саламандр улыбнулся ей в лицо легко, почти беззаботно. И в этот момент, всего на мгновение, он показался удивительно юным. Он улыбался, будучи не одним из Девяти верховных магов Империи, а мальчишкой, задумавшим опасную шалость и искренне ею довольный.

— Выходит, я одна из тех ленивых крыс... Хорошо, Саламандр. Так зачем мы здесь? — Веледа смахнула волосы со лба и поправила платье. — Что за скрытность?

— До меня дошли неприятные слухи, — произнес Саламандр тише, — что Мария, дочь Эвальда, жива. Это правда? Разве вся королевская семья не погибла при пожаре?

— Не говори ерунды, мальчик, — холодно ответила Веледа. — Империя не занимается убийством детей. По официальным сведениям, королева погибла при пожаре, ребенок даже не родился. Если не веришь, спроси Первого Мага. Он лично разбирал завалы в ту ночь.

Она горделиво подняла подбородок, всем видом давая понять, что здесь не о чем спорить.

— Поймите меня правильно, — Саламандр понизил голос. — Я всего год на посту. И я не хочу оказаться тем, кто упустил из-под носа причину революции.

Веледа не сразу поняла, чего в его словах было больше — осторожности или угрозы, но предпочла думать, что осторожности. Не зря этот мальчишка так быстро занял пост Командира разведки и получил кресло в Совете Первой Силы — он имел колоссальную, непробиваемую защиту, Веледа пыталась пробиться к его сознанию прежде, а теперь даже не будет пытаться — слишком устала, слишком зябко на этом дурацком балконе, а раз он действительно беспокоится...

— Хорошо, я вижу, что тебя это беспокоит. Я сама составлю доклад Первому Магу, придумаю какой-нибудь пустячковый повод, — она игриво подмигнула Саламандру, — Ты можешь отправляться в конце недели, но я жду доклад по прибытии. И никакой отсебятины, не забывай, что ты все-таки мой ученик, я не хочу снова за тебя краснеть!

— Спасибо, Веледа, я очень ценю это.

***

К полудню вся усадьба уже гудела, как растревоженный улей. Одни требовали немедленно перекрыть дороги, другие — поднять людей в городе, третьи обвиняли друг друга в халатности. Старики кричали так, будто Мария уже лежала мертвой где-нибудь в придорожной канаве.

— Девчонка двадцать лет просидела взаперти! — орал кто-то из советников. — Она даже рынка не видела!

— Мы в этом и виноваты! Именно поэтому ее надо вернуть немедленно!

— А если ее узнают?!

— А если она попадет к магам?! Пусть и не так много, как в столице, но сегодня патрульные маги наверняка будут на улицах города из-за фестиваля!

Бывший командир дворцовой стражи, а ныне — ответственный за обмундирование и подготовку солдат, молчал дольше всех. Он стоял у окна, сцепив руки за спиной, и слушал этот гвалт терпеливо, его суровое лицо не выдавало ни одной мысли, а когда заседание совета окончательно стало напоминать ругань сварливых торговков, сказал только одно:

— За ней отправится Калев, — его голос прозвучал зычно и сурово, все тут же замолчали, никто из советников не рискнул спорить.

Калев просыпался рано, до рассвета, и сразу уходил к морю на тренировку. Его жизнь была подчинена правилам, потому что так его учил отец. Тренировки семь дней в неделю утром и вечером, несколько часов на работу в саду, несколько часов чтения, помощь на конюшне. Никаких сбоев, никаких новшеств. Это позволяло ему считать, что он похож на отца и хотя бы свою собственную жизнь, как и тело, держит под контролем. Он не был ни обаятельным, ни

дружелюбным, возможно, из-за этого за долгие годы, проведенные в усадьбе и в походах, он так и не сумел обзавестись друзьями. В честном разговоре с самим собой Калёб изредка признавался себе, что они и не были ему нужны. Но даже в такой уединенной, размеренной жизни он находил маленький кусочек времени, который полностью посвящал забавам или удовольствиям. Например, после утренней тренировки, возвращаясь из города, он сразу же шел на кухню, где непременно изо дня в день он воровал свою порцию десерта задолго до обеда, чем ужасно изводил повариху, а та который год грешила то на детей конюха, то на младшую прислугу, то еще на кого-нибудь, сам же Калёб оставался вне подозрений, что жутко его забавляло. Конечно, представить, что молчаливый двухметровый юноша способен тайком пробраться на кухню лишь затем, чтобы украсть пышку с абрикосами или бисквитное пирожное, повариха просто не могла. А вот Калёб, несмотря на то, что ему стукнуло двадцать три года прошлой осенью, весьма и весьма любил забавы.

Как и сегодня. Незаметно для всех он ушел к морю, перебравшись через восточный забор, а потом вернулся тем же путем. Попав на кухню, он готов был найти десерты, бережно расставленные на узком столике, но их там не оказалось. Он раздосадованно покинул кухню, пролезая через окно, а затем вошел в особняк со входа для прислуги и тут же понял, что случилось... Младший конюх с жаром спорил со швеей, что Мария не могла сбежать, ее похитили. Горничные и гувернантки, стоявшие на лестничном пролете, были не видны Калёбу, но он узнал их голоса. Юные девушки кто плакал, кто почти кричал. Все они хоронили Марию, с ужасом представляя, как ее везут в кандалах в столицу, а их всех непременно вот-вот придут убивать. Калёб зашел на кухню, как полагается, а не как обычно, чтобы узнать подробности у поварихи. Она как раз уже должна быть там, а, как известно, большей сплетницы во всем особняке не найти. Каким-то образом эта старая кляча знала обо всем, что происходит с обитателями усадьбы, практически не покидая кухни с раннего утра и до поздней ночи. Калёб уверенно вошел в помещение кухни и, не ошибившись, застал там повариху Катрисс. Несмотря на суматоху в коридорах, она замешивала сдобное тесто, изредка поглядывая на конюха Жака, который, усевшись на стул напротив нее, смаковал подробности.

К великому сожалению Калеба, расспросив Катрисс и Жака, он не узнал практически ничего нового, кроме того, что это вряд ли было похищение. Дочь Эвальда исчезла. Под утро. Одна. На несколько секунд он зажмурился, мечтая ослышаться. Не потому, что Мария была неспособна на побег. Напротив, за последние годы он слишком хорошо понял: чем тише человек, тем опаснее момент, когда он перестает слушаться. Он беспокоился не из-за самого факта побега, а потому, что она никогда не была одна. Никогда. Даже в детстве. Особняк у восточного побережья долгие годы был для нее одновременно убежищем и клеткой. Все это понимали, просто предпочитали не произносить вслух.

Как только он собрался найти отца, в кухню забежал запыхавшийся ученик мечника, кажется, Освальд, и прервал его мысли, сообщив, что отец ищет его с самого утра, что Калёбу необходимо подняться в зал совещаний совета. Очень вовремя...

Из-за плотно закрытых дверей доносились голоса, отца слышно не было. Он не понимал, пора ли ему войти или лучше не стоит. Голоса советников были настолько громкими, что Калёб начал непроизвольно морщиться, но в их ругани был плюс — он слышал разговор так, как если бы присутствовал при нем лично.

— Девчонка двадцать лет просидела взаперти! — орал кто-то из советников. — Она даже рынка не видела!

— Мы в этом и виноваты! Именно поэтому ее надо вернуть немедленно!

— А если ее узнают?!

— А если она попадет к магам?! Пусть и не так много, как в столице, но сегодня патрульные маги наверняка будут на улицах города из-за фестиваля!

— За ней отправится Калёб.

Услышав заключение отца, он вошел в кабинет без стука. Несколько человек тут же обернулись, явно не ожидая, что он может так быстро предстать перед ними. Высокий, массивный, с мрачным взглядом, Калёб занимал слишком много пространства для человека, который почти никогда не пытался привлекать внимание. Даже стоя неподвижно у двери, он производил впечатление чего-то тяжелого и опасного.

Один из советников облегченно выдохнул:

— Хорошо. Пусть будет так.

Приказ, не предложение, не вопрос, не просьба. Калёб перевел взгляд со своего отца на пустое кресло у окна, где обычно сидела Мария. На спинке до сих пор висела ее шаль, в которую она так любила укутаться вечерами. Он молчал несколько секунд.

— Как давно? — только и спросил он, обращаясь к отцу.

— Часа три, может, четыре.

Калёб понимал, что это слишком много. Мария знала мир только по рассказам, она умела читать карты, изучала военную тактику, историю, политику, но все это не имело значения рядом с настоящими улицами, настоящими людьми и настоящим голодом. Особенно здесь, в Каэрде, вдали от столицы, где контроль Империи Первой силы был слабее. Особенно сейчас, в день, когда вот-вот начнется фестиваль Солнца. Одной побрякушки, небрежно выставленной напоказ, было бы достаточно для грабежа, похищения или чего похуже.

— Она взяла что-нибудь? — спросил Калёб.

— Немного еды, но не деньги, у нее нет финансов в личном распоряжении. Отправляйся немедленно, наши люди в городе уже предупреждены, что ты займешься поиском, — сказав это, отец начал беседу с одним из советников. Калёб понял, что отец все решил заранее и избыточных напутствий не будет, поэтому, едва склонив голову, он покинул зал.

Он не возражал, даже удивился, насколько спокойно воспринял приказ. Только узнав о побеге, он с самого начала понимал, что именно ему придется идти за Марией. Наверное, потому что среди всех людей в усадьбе он всегда видел ее чуть иначе. Не как наследницу или как символ, и даже не как последнюю надежду прежней династии. Для него она была странной девушкой с темными глазами, которая почти всю жизнь провела за стенами чужой осторожности. Возможно, задание дали ему, потому что они были почти ровесниками, оба выросли под тенью войны. Оба — дети людей, которых прежний мир слишком рано возвеличил, а потом похоронил. Оба рано потеряли матерей. Возможно, так можно было найти родство между многими людьми, но все-таки между ними всегда существовало какое-то осторожное уважение, чуть большее, чем к другим людям.

Мария жила в особняке как призрак старой династии — слишком ценная, слишком хрупкая, слишком опасная для внешнего мира. А Калёб был сыном командира дворцовой стражи. Его растили не как наследника идеи, а как человека, который однажды должен будет закрыть кого-то собой. И все же они постоянно пересекались в садах. Мария любила читать под старой глицинией, где сиреневые цветы свисали тяжелыми гроздьями почти до земли, а она пряталась в тени благоухающего цвета. Она сидела там часами с книгой на коленях, босая, задумчивая, будто существовала отдельно от остального мира.

Калёб частенько приглядывал за ней украдкой, когда помогал садовнику после обеда. Отец до того, как стать командиром дворцовой стражи, успел побывать не в одном походе. Все детство маленького Калеба прошло в рассказах отца о дальних землях, о дивных местах, незнакомых обычаях, еде, напитках, цветах. До свержения династии Эвальда II, командир дворцовой стражи мечтал, что его сын станет студентом университета, будет изучать ботанику, видя в еще совсем маленьком сыне интерес к рассказам о цветах и лечебных травах. Этим мечтам не суждено было сбыться, но, сам того не зная, Калёб частично оправдал надежды отца. Садовник выделил для него часть оранжереи для выращивания лекарственных растений, а взамен Калёб помогал в саду.

Он знал наверняка, отец руководствовался не этими случайными встречами, к тому же, о них наверняка никто и не знал, а тем, что Кaleb был лучшим в своем деле. Уже в 16 он победил в столичном турнире как лучший мечник, но для участия пришлось взять псевдоним. Особое положение его семьи позволило ему получить весьма неплохое образование здесь, в Каэрде, впрочем, сам парень считал его бесполезным. Академическим знаниям он предпочитал практическую работу. При любой подвернувшейся возможности он покидал Каэрд и поэтому частенько отсутствовал.

Сегодня начался первый день Карнавала Солнца. Кaleb заметил это еще до того, как вышел к центральным улицам. Давно покинув свой зенит, солнце начинало неуклонно стремиться в море. Он корил себя, что было потеряно слишком много времени... Людей становилось все больше и больше, что несвойственно для этого часа. Иностранцы с островов и крайних земель, жители других городов, особенно южане, заполняли улицы своими непривычными нарядами и неторопливыми походками. Смех становился громче, музыка навязчивее — близились праздники Солнца.

Каждую весну город праздновал возвращение тепла семь дней подряд. Старый обычай, появившийся задолго до Империи и переживший даже смену власти. В первый вечер после заката на главной площади зажигали огромное солнечное пламя — факел высотой почти с двухэтажный дом. Считалось, что чем ярче он будет гореть в первую ночь, тем щедрее окажется год. Жители Каэрда и гости заранее готовили наряды с масками и цветочными мотивами... И этот дух празднества не смог запретить даже Первый Маг. Только в Каэрде позволили сохранить традицию ради туристов. На самом деле, как приморский, портовый город, Каэрд занимал не последнее место в торговле между королевствами Империи Первой Силы, испокон веков Каэрд было трудно описать одним словом — смешение языков, культур, обычаев, Каэрд всегда был свободен от предрассудков и оставался таковым даже сейчас, находясь под влиянием Империи Первой Силы.

Кaleb шел сквозь толпу медленно, почти лениво, хотя внутри все сильнее натягивалась невидимая струна тревоги. Идя по узким улочкам, беседуя с прохожими и попрошайками, он вспоминал свою первую встречу с Марией, хоть и был уверен, что она сама этого уже давно не помнит.

Тогда ему было восемь. Ей — пять. Он нашел ее в саду возле восточной стены. Маленькая Мария сидела прямо в клумбе, щеки, руки и светлое платье в рюшах были безнадежно испачканы влажной землей, и с совершенно серьезным видом она закапывала в землю сорванный цветок луноцвета — бледный, тонкий, раскрывающийся только ночью.

Кaleb молча наблюдал за ней, а потом не выдержал и подошел.

— Он мертвый, — сказал он.

Мария подняла голову так резко, будто он ударил ее.

— Нет, — она отвернулась, тут же потеряв интерес, и продолжила копошиться в земле.

— А вот и да, ты его сорвала. Без корней цветы умирают, — Кaleb ткнул пальцем в цветок с оборванным стеблем.

— Я его сажаю обратно, — она нахмурилась и сильнее вдавила тонкий стебель в землю маленькими грязными пальцами.

— Так не работает, ты что, совсем дурочка?

Он до сих пор помнил, как быстро она разозлилась. Совсем маленькая, с испачканными щеками, с дрожащими губами и взглядом, полным такой искренней обиды, верно полагая, что это он был виноват в том, что цветы не растут без корней.

— Ты врешь!

— А ты глупая.

После этого Мария попыталась ударить его садовой лопаткой, а Кaleb ловко увернулся, но через секунду все равно получил комком мокрой земли прямо в лицо. Наверное, они действительно подрались бы, но в сад вбежала перепуганная нянька, подхватила девочку на руки почти насильно, отряхивая платье, и унесла ее прочь из сада, причитая что-то про этикет, уроки и купальню. Мария выглядывала из-за плеча шумной прислуги и смотрела на Калеба с яростью. А он стоял посреди клумбы, вытирая землю с лица, и впервые подумал, что девчонки — совершенно невозможные существа.

С тех пор он про себя называл ее луноцветом. Сначала — потому что она была такой же странной, а став старше, потому что считал ее красивой и слишком хрупкой для окружающего мира. И это старое воспоминание вдруг всплыло в памяти настолько ясно, как будто для Калеба между тем днем и этим прошло не пятнадцать лет, а всего несколько часов.

— Эй! Эй, здоровяк! — голос донесся откуда-то снизу. Кaleb даже не сразу понял, откуда он, а остановившись, заметил прохожу Лакса.

Худощавый парнишка лет двадцати хоть и был совсем немногим младше Калеба, а приходился ему головы на три ниже, не меньше. Пару лет назад он брал его с собой в поход оруженосцем на турнир, и с тех пор они были не то что бы друзьями, но добрыми приятелями. В слишком большом жилете и с таким грязным лицом, будто он специально собирал на себя половину городской пыли, Лакс в нетерпении уставился на него, взгляд у него был цепким, а память хорошей. Кaleb не раз приплачивал ему за полезные сведения. Наверное, Кaleb выглядел настолько озабоченным, а взгляд пустым, потому что Лакс смотрел на него, полный каких-то новостей.

— Ты представляешь, только я начал радоваться, что подлый Хасс вот-вот закроет свой проклятый ломбард, как эта свинья заявляется в таверну моей матери посреди бела дня и швыряет ей десять медяков! — заявил Лакс, недовольно шурясь. — Говорит, разжился жутко редким кольцом, сам лично поедет его в столицу продавать. Ну не дурак?! Надеюсь, его кто-нибудь ограбит.

— Где? — Кaleb смотрел на него в нетерпении.

— Как где? Ну за городом, на тычковом тракте, где ж еще.

— Нет, где кольцо добыл? Правда редкое? — Кaleb старался скрыть волнение, но первая мысль, посетившая его от этой новости, была сразу о Марии, которая заложила какое-то кольцо, чтобы добыть денег.

— А-а-а, не знаю, — протянул Лакс, — сам у него спроси, эта свинья ушла обратно в ломбард, наверное, надеется еще кого-нибудь обдурить!

Кaleb невольно ухмыльнулся, но тут же скрыл свою ухмылку, потеряв подбородок ладонью.

— Наведаюсь, пожалуй, может, мне и самому такое колечко пригодится.

Кивнув Калебу в знак прощания, Лакс растворился в толпе, крикнув что-то в духе: «Лучше бы ты ему морду начистил и ограбил!» А Кaleb, развернувшись на месте, сменил направление в сторону ломбарда Хасса, который находился в трущобах. Вдруг эта мелочь могла привести его к Марии? Представить ее в трущобах, закладывающей какое-нибудь кольцо ради платья и маски с цветами, ему все равно было сложно, но других зацепок у него не было. Тем не менее у него всего пару часов, как начнет смеркаться, в это время года даже в Каэрде вечер наступал слишком рано. А наведаться на фестиваль, как стемнеет, он всегда успеет. Кaleb был уверен, что весь этот побег затеян ради празднества. Люди на его пути неторопливо стекались

к центру города в противоположном направлении от трущоб, а Кaleb устремился напрямиком в ломбард.

Глава 2

Глава II. Мир полон добрых людей.

Когда я вышла из ломбарда Хасса, солнце уже поднялось высоко над Каэрдом. Даже в полдень свет едва проникал в эти улочки из ветхих домов, грязи и нищеты. Даже солнечный свет в трущобах был недоступной роскошью. С тех пор, как я свернула в портовые трущобы, я не могла понять, почему именно здесь все кажется иным. Пока не заметила, что здесь нет ни одного дерева, цветка или хотя бы травы... Улицы казались искусственными, безжизненными, как и люди. Потухшие взгляды, невидимая пыль уже лежала на плечах здешних обитателей, прибывая их к земле. Обычно в это время я читала в саду, но, кажется, впервые я занимаюсь чем-то, что никто не контролирует. Кроме меня, конечно. Кроме меня...

Я заспешила к морю, отсюда до него было всего рукой подать. До меня доносился ветер с моря, принося с собой запах соли, рыбы и дыма от уличных жаровен, где уже начинали готовить еду к вечернему празднику.

И в эту минуту я окончательно осознала, что натворила. Я отдала кольцо моей матери, единственную вещь, которая связывала меня с моей семьей. Сколько себя помню, я носила это кольцо, сначала на цепочке, потом — на безымянном пальце. Я ощутила щемящую пустоту, которую мне нечем было заполнить, и она была не в душе — в теле. Оказалось, что, на ходу я теребила безымянный палец левой руки, на которой еще недавно блестело кольцо. Наверное, так калеки чувствуют утраченную конечность. Но было в этом ощущении что-то еще, чего я не смогла себе объяснить.

Будто из меня вынули что-то незаметное, но привычное. Мир остался прежним — те же улицы, крики чаек, люди, но ощущался уже другим. Между мной и окружающим миром наладилась связь: звуки резче, воздух холоднее, даже чужие взгляды острее. Теперь я — часть всего этого, но отчего-то я чувствовала себя самым одиноким человеком на свете. И в этот момент из размышлений меня небрежно выдернул чей-то писклявый голосок, а за ним еще несколько, вторящих ему эхом.

— Госпожа-а... — протянул один из мальчиков. — Подайте к празднику.

Я опустила на них взгляд. Двое мальчишек и девочка, всем не больше лет десяти. Худые, чумазые. Они напомнили мне старых кукол-марионеток, которых я однажды нашла на чердаке. Дерни за невидимую веревочку, и тоненькая ручка или ножка тут же откликнется. На головах у них были дешевые праздничные венки из веток и бумажных цветов. У девочки в волосах торчали желтые лепестки, вырезанные из ткани — незамысловатый способ приобщиться к празднику. Я вспомнила, как в детстве вместе с нянькой делала такие цветы... С той лишь разницей, что в моем распоряжении были шелковые ленты, жемчуг и стеклянные бусины. Но в сущности... Цветок есть цветок, из чего бы он ни был сделан. Я достала несколько монет и вручила каждому ребенку по серебряку.

Дети замерли, видимо, не ожидая такой милости от незнакомки в скромном плаще, а потом принялись перешептываться между собой и оглядываться по сторонам, ведь для них это был настоящий клад, который могут украсть.

— Да ладно...

— Настоящее серебро?!

— Тихо ты!

Старший мальчишка — остроносый, с обветренным лицом и слишком внимательным взглядом — быстро сунул монету за пазуху. После этого он взглянул на меня иначе. Было в его взгляде что-то деловито-взрослое, наверное, он подумал, что меня нужно развлечь светской беседой или как-то иначе оказаться полезным после такой милости. А я решила этим

воспользоваться. Этот город оказался для меня слишком непонятным, огромным, и я готова была признать, что мой одинокий побег — наиглупейшая авантюра.

— Вы не местная, да?

— Почему ты так решил? — я нарочно не закрывала мешочек с монетами и следила за его взглядом.

— Местные так не платят, миледи. Местные все уже в костюмах, а Вы совсем не нарядная, — сказав это, он запнулся. Девочка, стоявшая за ним, цокнула языком.

— Март хотел сказать, что местные вообще нас гоняют. А чужаки, бывает, и вовсе трясут, как спелое дерево, пока не выпадет монетка-другая! — малышка наигранно шмыгнула носом.

Я снова осмотрелась вокруг, но ничего подозрительного не заметила. Наверное, никому вообще не было до попрошаек, или я чего-то не понимала.

— Скажите... А где тут таверна? — я рискнула закинуть удочку, потому что у меня совершенно не было идей, где искать разбойников, напавших на конвой.

— О, Вам непременно нужно посетить «Дон-Балмон», это самое популярное место у леди, там всегда потрясающе пахнет выпечкой и...

Я наклонилась к детям поближе и заговорила почти шепотом.

— Мне не нужна выпечка, я говорю о тавернах, где разбойники делятся байками, а наемные убийцы ковыряют ножами в зубах.

Март деловито потер подбородок, тут же став старше лет на пять. И я только сейчас, находясь так близко к его лицу, заметила шрамы на щеках и шее.

— Тогда вам нужен трактир "Ржавый якорь", миледи. Опаснее места не придумать, последние дни там полно всякого сброду...

Я не могла поверить своим ушам, неужели это было так очевидно? А Март продолжил:

— "Ржавый якорь" находится на другой стороне бухты, я могу проводить.

— Далеко-о-о, — протянула девочка. Я кивнула, достала горсть монет и отдала их Марту.

— Распреди справедливо, не забудь про своих друзей, — я взяла мальчишку за руку и положила в нее монет пятнадцать. Его глаза загорелись, он быстро спрятал их и заторопился вести меня к "Ржавому якорю". Возможно, мне показалось, но я видела, как мальчик вытер слезу.

Дорога заняла больше времени, чем я предполагала, виной тому была подготовка к празднику. Каэрд оказался огромным, сплошной лабиринт из улочек, площадей и проходов через узкие дворы с кучей веревок, на которых сушились вещи. До этого я видела город только из окна экипажа, мне всегда казалось, что Каэрд — это красивая набережная, главная площадь и рынок. Стройные улицы, красивые фасады, аккуратные площади, иными словами, Каэрд из учебников истории, легенд и тактических описаний. Но настоящий город оказался другим. Одни дома были украшены цветами и свежими тканями к празднику Солнца, другие едва держались, перекошенные от сырости и ветра. Богатые люди шли в ярких одеждах, смеясь и выбирая маски, а прямо у стен сидели женщины с детьми, слишком худые, слишком бледные для обитателей прибрежного городка. Мои провожатые болтали без умолку, рассказывали, где лучше воровать яблоки, на какой площади вечером будут танцы, кто в этом году подрался на празднике еще до заката.

— А еще сегодня будут зажигать Солнце! — восторженно сказала девочка.

— Его каждый год жгут, дура, — сердито ответил Март.

— Все равно красиво, вот перестанут жечь и сезон молока никогда не кончится! — она показала ему язык и всю оставшуюся дорогу молчала.

Каэрд был древним городом, вокруг которого всегда ходило множество легенд и примет. Во многом это объяснялось его сложным географическим положением: окруженный скалистыми берегами и беспокойным морем, Каэрд был подобен крепости. В холода даже самый бравый моряк не отважился бы искать берега бухты. Кто именно придумал для бухты название

«Белая Чаша», известно не было, но что именно вдохновило на такое название было очевидно — туман. В период с осени и до весны наступал сезон туманов, который лишал моряков зрения. Конечно, находились смельчаки, которые считали, что добраться до берегов Каэрда возможно, но об этом можно услышать только в жутких историях — живых очевидцев успешных попыток нет. И неспроста именно в конце молочного сезона горожане, торговцы, иностранцы и жители соседних городов стремились в Каэрд на Фестиваль Солнца, ведь сама традиция разжигать огромное пламя, подобное маяку, зародилась задолго до Империи Первой Силы; задолго до войны, которой дали ужасное название «Плач стали»; задолго до того, как на троне королевства людей прочно укрепились моя династия. Даже Первый Маг, объединивший королевство людей и магические княжества, не решался запретить эту традицию здесь, в единственном пригодном порту для торговли с жителями островов.

Фестиваль Солнца... Такая мелочь за огромные поступления налогов с торговли, за поток туристов, за оборону Северных границ. При моем отце Каэрд стал культурным центром, ведь, когда наступал молочный сезон, «Белая Чаша» становилась изолированной от внешнего мира, не считая сухопутного тракта через ущелье «Узких врат». А жителям нужно было что-то зарабатывать, поэтому постепенно, с помощью дотаций мой отец привлек иностранных и местных мастеров к проживанию в Каэрде в такой непростой период, основав Академию искусства. Многие мастера так и остались жить в Каэрде, из-за чего толпы начинающих художников, артистов, музыкантов, скульпторов и умельцев каждый год отбивали пороги академии, едва сойдя с кораблей, надеясь попасть в заветные списки учащихся. Часть этого наследия сохранилась, но Империя не считала нужным выделять средства на развитие искусства, поэтому Академия продолжала свое существование и ныне, но исключительно на частные пожертвования меценатов. Искусство все больше и больше становилось универсальным, новаторство уступило приятности. Если какой-нибудь богачей хотел картину с изображением тройки вороновых коней, он ее получал, а художник получал свои заветные монеты, с которых платил налог в казну, долю посреднику, который представлял интересы покупателя, и долю тому, кто оплатил его обучение. Порочный круг серебряных монет, из которого незаметно, но бесповоротно исчезла сама суть искусства.

На одной из площадей ребячьи замедлилась, а я выпала из собственных размышлений и осмотрелась. Посреди площади шумел фонтан, вокруг которого дети играли в салки, а за ними бегал маленький щенок. Даже на мой непритязательный вкус в этой небольшой площади не было ничего примечательного, но, приглядевшись, я заметила в центре фонтана, на постаменте, серую статую какого-то человека.

— Это Эвальд Второй! Бывший правитель Империи, — Март ткнул пальцем в статую и, взяв меня за руку, подвел ближе.

Каменный король смотрел куда-то поверх города, смотрел спокойно и упрямо, как будто даже смерть не заставила его опустить голову. В груди что-то болезненно сжалось, а ноги сами потянули меня прочь. На секунду я захотела оказаться ближе к отцу, намочить ноги, платье, но добраться до него через фонтан. Взглянуть на его лицо, коснуться руки. Рядом со статуей я почувствовала себя такой крохотной, маленькой девочкой. Я явственно представила, как он вот так, с книгой в руке, читал с трибун университетского зала, а восхищенные студенты на равных могли задавать ему вопросы, спорить... И он смотрел бы на каждого из них точно так же, как статуя. Выше их возраста, выше их сословия, выше всего, что мешало одной-единственной цели — знанию. И даже дети, которые меня провожали, могли бы уже получать образование, а Март был бы чьим-нибудь подмастерьем, если бы оказался достаточно ловким.

— А это — "Ржавый якорь", почти пришли.

Я сощурила глаза и на противоположной стороне небольшой площади, в углу, увидела "Ржавый якорь". Ошибиться в этом вопросе было невозможно, потому что над самым входом покачивалась тяжелая вывеска: ржавый якорь, прибитый прямо к потемневшей доске.

Когда мы подошли к трактиру, я смогла внимательнее ознакомиться с этим наследием былой роскоши: краска, не выдержав под палящим солнцем и дождями, обнажила металл, края покрылись рыжими разводами, а одна из перекладин держалась, казалось, исключительно из упрямства. На ветру вывеска тихо поскрипывала, предупреждая всякого, кто решит переступить порог, что стоит быть настороже.

Сам трактир выглядел под стать названию. Низкое двухэтажное здание, почерневшее от времени, сырости и дыма. Окна на первом этаже были распахнуты настежь, и наружу вместе с гулом голосов выливался запах дешевого эля, жареной рыбы, пота и мокрой древесины. Возле коновязи толпились лошади, рядом стояли телеги, а под навесом сидели люди в дорожных плащах и кожаных куртках, слишком вооруженные для обычных торговцев.

Кто-то громко смеялся. Где-то внутри звякнула кружка, а следом раздалась отборная брань, шум передвигаемой мебели и другие признаки затеваемой драки. Судя по тому, что никто не выбежал наружу, подобное здесь происходило чаще, чем опустошались бочки с элем.

У дверей скучали двое мужчин. Один точил нож прямо о подошву сапога, второй лениво наблюдал за улицей из-под полей шляпы. Оба были в потертых дорожных куртках без гербов и цветов какого-либо округа. Слишком благополучные одежды для честных людей, недостаточно благополучные для магов от 7 ранга и выше. На поясах висело оружие, не украшенное, но ухоженное: такие клинки носят люди, которым приходится пользоваться ими часто.

Я невольно задержала взгляд на их сапогах — крепких, пыльных, со следами засохшей грязи разных цветов, будто за последние недели они прошли почти все государство. В этих мужчинах даже я без труда узнала наемников. Они мазнули по мне быстрыми, цепкими взглядами и тут же потеряли интерес. Путники, наемники, контрабандисты, люди без имени и прошлого — «Ржавый якорь» явно видел всяких.

Март остановился чуть поодаль и сунул руки в карманы. Заходить внутрь он не решился бы, да и я не хотела этого — мне нужен был проводник, а не причина для беспокойства, все-таки он был совсем ребенком, как и те двое, что семенили за нами.

— Если ищите неприя... То есть еду, Госпожа, — быстро поправился он, — то удобнее расположиться будет у дальней стены, там столы подешевле и света меньше, а если Вам нужен собеседник, то садитесь прямо у стойки.

Он помолчал, разглядывая трактир так, будто проверял, не смотрит ли на нас кто-нибудь, а потом дернул меня за край плаща, чтобы я наклонилась, и сказал:

— Миледи... — мальчишка понизил голос. — Мой Вам совет: не говорите сразу, кого ищите. Тут сначала режут, а потом слушают. Найдите Барта, он помогает горничной и поет славные песни.

— Ценный совет, спасибо, Март, а теперь нам пора прощаться.

Достав еще несколько монет, я вложила их ему в ладонь. На этот раз Март не выдал удивления — только быстро сжал пальцы.

— И еще кое-что, — сказала я тихо. — Сегодня вы меня не видели. Ни ты, ни твои друзья. Никакой дамы здесь не было.

Мальчишка сразу посерьезнел. Детское выражение исчезло с его лица так быстро, словно его и не существовало.

— В порту язык — штука дорогая. Иногда — дороже жизни, — сказав это, он кивнул мне почти по-взрослому сдержанно, развернулся и уже через секунду ребячья растворилась в толпе, словно маленькие тени от пламени среди праздничного шума, а я, глубоко вдохнув, вошла внутрь.

Толкнув тяжелую дверь, я услышала звон колокольчика, оповестившего о моем присутствии. "Ржавый якорь" встретил меня шумом голосов, спертый воздухом и запахами, от которых мгновенно закружилась голова. Жареная рыба, чеснок, кислое пиво, дым трубок и самокруток, пот, мокрая шерсть, специи — все смешалось в плотный, почти осязаемый воздух. После холодного морского ветра внутри казалось душно, но удивительно уютно от ощущения, что потолок притаптывает меня к земле. Я сняла капюшон и осмотрелась.

Слева тянулась длинная барная стойка, потемневшая от времени и бесконечно пролитого алкоголя. За ней стоял мужчина, широкоплечий, с седой бородой. Тонкие губы были поджаты в привычке человека, который слишком часто разнимал драки и выслушивал чужое вранье. На месте левого уха только неровный старый шрам до виска, но он явно не считал нужным это скрывать.

Он неторопливо протирал кружки грубой тканью и убирал их под стойку, время от времени поглядывая на зал с тем спокойным вниманием, какое обычно бывает у трактирщиков и старых солдат. Справа теснились столы, Март не соврал, из-за фестиваля народу было не протолкнуться. Где-то смеялись, где-то спорили на повышенных тонах, а за одним из дальних столов играли в кости. В глубине зала виднелась лестница на второй этаж — узкая, скрипучая, от тысячи прикосновений перила блестели.

Трактир был точно таким, каким я его представляла — никакой роскоши, даже намек на нее. Только запахи, шум и люди, которые больше напоминали скорпионов в банке, а не людей.

Уловив запах чего-то аппетитного и горячего, мой желудок предательски заурчал. Конечно, у меня были с собой припасы, но с того момента, как я сбежала, я так и не нашла времени для перекуса, а по моим ощущениям было не меньше полудня. К тому же, сидеть в трактире просто так было бы слишком заметно. Здесь каждый либо ел, либо пил, либо ждал кого-то. Поэтому, здраво решив убить сразу двух зайцев, я решилась отведать местную похлебку.

Выбрав место у самой стойки, я не без труда взгромоздилась на высокий табурет, чувствуя, как после долгой дороги начинают ныть ноги. Отсюда хорошо просматривался почти весь зал, а массивная дубовая столешница казалась надежной преградой между мной и остальным миром. Возможно, это было глупо, но рядом с хозяином заведения я чувствовала себя спокойнее, чем за любым из столов, где посетители сидели слишком тесно друг к другу, а разговоры то и дело переходили в споры и ругань.

Трактирщик, до этого сосредоточенно натиравший кружку грубой тканью, на мгновение замер. Его взгляд скользнул по кошельку, который я положила перед собой, а затем поднялся выше, задержавшись на мне ровно настолько, чтобы оценить увиденное, и вновь вернулся к работе.

— Мне говорили, что в «Ржавом якоре» подают лучшую похлебку во всем Каэрде, — сказав это, я выдавила из себя улыбку, за которой, я уверена, все равно было очевидно мое волнение и страх.

На этот раз мужчина задержал свой взгляд на мне дольше. Глаза у него оказались светлыми, выплывшими от возраста и морского ветра, а в густой седой бороде еще сохранялись отдельные темные пряди, напоминавшие о том, каким он был много лет назад. Я старалась не таращиться на отсутствующее ухо, переводя взгляд с его рук то на кружки, то на стены, то на что-нибудь еще. Я еще никогда не видела увечья так близко, не считая шрамов Марта. На местных жителях они при этом встречались повсеместно. Мне подумалось, что на улицах даже такая очевидная вещь, как целое тело, была роскошью.

— Кто говорил?

Вопрос прозвучал настолько серьезно, что я растерялась.

— Люди.

Хмыкнув, он продолжил убираться за стойкой.

— Тогда либо эти люди никогда не ели хорошей похлебки, либо решили подшутить над Вами.

Несмотря на усталость, я невольно рассмеялась. Что-то в его тоне напоминало старых слуг из усадьбы, которые могли ворчать сколько угодно, но все равно приносили вторую порцию еды, если знали, что я снова пропустила обед из-за очередных совещаний или уроков.

Трактирщик еще несколько секунд смотрел на меня, после чего отложил кружку и исчез за дверью, ведущей на кухню, но не успела я удивиться, как он вернулся, поставив передо мной тяжелую глиняную миску, наполненную густым месивом. Над миской поднимался пар, аромат был вполне сносным, я прислушалась к нему и быстро распознала запах тыквы, баранины, остальные ноты оказались совершенно незнакомыми. Аромат смешался, к нему прибавились ароматы зелени и свежего хлеба, все вместе это оказалось настолько соблазнительным, что желудок снова напомнил о себе, да так громко, что уверена, мои щеки пылали огнем.

К счастью, он сделал вид, что ничего не услышал. Оторвав ломоть хлеба, я стукнула деревянной ложкой по столу, а затем зачерпнула немного похлебки. На вкус она оказалась лучше, чем я думала, и мне даже не пришлось изображать, что я ем с аппетитом. Краем глаза я заметила, как мужчина устало усмехнулся. С таким выражением лица наш конюх наблюдал за жеребенком, который впервые встал на ноги.

Некоторое время между нами сохранялось молчание, и только спустя несколько минут он снова заговорил.

— Вы не из Каэрда.

— Нет, — я подняла на него взгляд.

— И даже не с островов.

— Это так заметно? — я прищурилась.

— Достаточно заметно, чтобы я поставил на это деньги.

Он кивнул на кошелек, который все еще лежал передо мной на самом видном месте. Только сейчас я поняла свою ошибку, бросила ложку в миску и поспешно убрала сбережения обратно под плащ.

Уголок его губ дрогнул.

— Уже лучше, быстро схватываете.

Я почувствовала себя очень глупо, меня можно было поймать на такой откровенной глупости, а я бы и не подумала. Однако в голосе трактирщика не было насмешки, скорее, в нем слышалось странное добродушие человека, которому довелось увидеть слишком много бед, чтобы смеяться над чужой неопытностью.

— Простите.

— За что?

— За то, что выгляжу глупо.

— Если бы за это приходилось извиняться, половина моих посетителей давно разорилась бы на словах.

Я снова рассмеялась, а он покачал головой и отвел взгляд, будто неожиданно вспомнил что-то свое. На короткое мгновение, готова поклясться, я кого-то ему напомнила. Кого-то из тех времен, кто улыбался ему точно так же — открыто, доверчиво и совершенно не понимая, насколько жестоким может быть мир за пределами родного дома. Моя миска опустела, желудок наполнился, а важные мысли снова вернулись в уставшую без сна голову.

— Несколько дней назад через Каэрд должны были пройти люди с большим сундуком, — произнесла я как можно спокойнее, хотя сама прекрасно понимала, что вопрос прозвучал слишком уж прямо для человека, который пытается что-то разузнать. В любом случае, у меня не было времени на игры.

Трактирщик не ответил сразу, вместо этого он взял со стойки одну из кружек и принялся неторопливо натирать ее полотенцем, хотя я точно знала, что она была чиста, ведь он натирал ее за пару минут до этого.

— В Каэрде ежедневно проходят люди с сундуками, — наконец ответил он, возвращаясь к своему занятию с таким видом, будто разговор уже закончен. — Некоторые даже с двумя.

Я невольно нахмурилась.

— На этом был герб.

— Какой герб? — спросил он уже совсем другим голосом.

— Два скрещенных меча, — прошептала я ему прямо у единственного уха, чтобы никто другой нас не услышал.

Некоторое время хозяин трактира молчал, разглядывая кружку так пристально, словно именно в ней скрывался ответ на мой вопрос. Затем тяжело выдохнул через нос и поставил ее под стойку.

— Девочка, — произнес он наконец, подняв на меня взгляд, — позволь дать тебе один совет...

Я уже собиралась спорить или предлагать ему все деньги, которые у меня были, но именно в этот момент кто-то начал кричать прямо на лестнице, а шум разговоров в трактире начал постепенно стихать. Я обернулась и увидела на верхних ступеньках молодого парня с домброй за спиной, одет он был заметно ярче большинства посетителей трактира. Темно-синий

жилет был расшит серебристыми нитями, сапоги начищены до блеска, а волосы выглядели так, будто их покрыли маслом. При этом держался он так свободно, словно являлся хозяином не только трактира, но и всего города заодно.

— Господа, дамы, моряки, мошенники, контрабандисты и все остальные добропорядочные жители и гости Каэрда! — громогласно и нараспев объявил он, широко разведя руки в стороны и одарив зал ослепительной улыбкой. — Спешу сообщить, что я снова не умер!

По залу прокатился дружный смех, кто-то поднял кружку, кто-то присвистнул. Один из посетителей даже хлопнул ладонью по столу так сильно, что подпрыгнули кости для игры. Молодой человек картинно поклонился, после чего начал спускаться по лестнице, по пути здороваясь с людьми так, будто знал каждого по имени.

— Это еще кто? — тихо спросила я, наблюдая, как незнакомец ловко перескакивает через последние ступени.

— Сегодняшняя песня посвящается людям честным, трудолюбивым и совершенно не склонным подбирать чужое имущество!

По залу прокатился смех, а трактирщик тяжело вздохнул и закатил глаза с тем выражением, какое бывает у родителей, вынужденных в сотый раз мириться с очередной выходкой любимого ребенка, но он точно был рад, что я сменила тему, наивно полагая, что я отступлю.

— Барт, — ответил он.

Так вот кого мне советовали найти сироты, мое сердце стало биться чаще, потому что с самого утра мне действительно везло. Я развернулась в пол-оборота и присоединилась к лицезреющей толпе, потому что абсолютно все в трактире уставились на Барта в предвкушении первоклассного развлечения.

А Барт тем временем устроился прямо на нижних ступеньках лестницы, положил домбру на колени и ударил по струнам.

«Слыхал я про сундук один...»

Барт заиграл быструю, задорную мелодию, под которую все начали отбивать ритм кто кружками, кто ложками по столу. Но мне не хотелось, ведь я наконец нашла след!

*«Слыхал я про сундук один,
Что плыл неведомо к кому.
Замок на нем — хоть бей клинком,
Да не поддастся ни-ко-му!»*

*И тут вопрос: кому, да как
Его открыть да поскорей?
Ведь каждый знает — для замков
Разбойник всех других ловчей...*

*Один сказал: «Там клад лежит,
Что хватит золота на век!»
Второй решил, что с ним сбежит!
И выпил сразу за успех.*

*А третий крикнул: «Чепуха!
Там скалозуб свернулся в круг.
Откроешь крышку — цапнут вдруг,
И сразу кончатся сто мук!»*

В этот момент, замороженная, впитывающая каждое слово, я и заметила трех мужчин, поспешно покидающих свой стол совсем не далеко от меня. Это было так неуместно среди улюлюкающей толпы сброда, среди расслабленных, веселых лиц... И все же трое мужчин поднялись одновременно, словно получили безмолвный приказ. А я услышала их перешептывания с кучкой пьяных наемников за соседним столом.

— Куда это вы? — окликнул их один из наемников.

— Да песня еще не кончилась! — поддержал второй.

Один из вставших мужчин натянуто улыбнулся, поправляя свой плащ.

— Дела.

— Какие еще дела?

— Такие, за которые никто другой не заплатит.

Огрызнувшись, он хлопнул другого наемника по плечу, и все трое быстро направились к выходу. Я посмотрела на трактирщика, он был так угрюм и зол, ему не нужно было ничего объяснять. Возможно, он хотел отговорить меня от этой дурацкой затеи, но я быстро достала один серебряник, положила возле пустой миски и устремила к выходу вслед за мужчинами. Сквозь шум этой незамысловатой песни, сквозь шум гремящих по столу кружек, сквозь смех, я слышала, как трактирщик мне вслед сказал только: «Храни себя, дитя».

Даже на улице, сквозь открытые окна «Ржавого якоря», доносился последний куплет истории о разбойниках и сундуке, Барт продолжал весело брэнчать на домбре, громко напевая о том, что самые дорогие находки обычно обходятся своим владельцам слишком дорого:

«Но если все же клад внутри,

То тут беда уже другая:

Ведь за богатством вслед всегда

Идет могилка именная!»

А в этот момент трое, прямо слева от меня, спешно седлали коней, о чем-то громко споря.

— Я говорил тебе держать язык за зубами, болван!

— А причем тут я? Да и вообще! Ну и знают все, что мы разжились сундуком, так его не открыть!

— У меня мастер в столице, он умеет вскрывать что угодно и, в отличие от тебя, умеет держать рот на замке.

— Мы же хотели остаться на фестиваль, к чему спешка-то?

— А у тебя что, молоко на губах? Это забава для сопляков, а у нас дело.

Чтобы лучше слышать разговор, я прошла мимо них настолько вальяжно и непринужденно, насколько сумела, еле сдерживая возбуждение, и завернула за угол, в переулок сбоку от таверны. Прислонившись к сырой стене из каменной кладки, я почувствовала запах отбросов и сырости, но не это меня занимало. Они так увлеченно спорили и ругались, что меня даже не заметили, а вот я прекрасно их слышала. Я осторожно выглянула, как раз тогда, когда третий разбойник, молча готовивший лошадей в путь, пока двое спорили, наконец-то сказал:

— Мы замаскируем... С фейерверками, пометим, оставим прямо на... На виду, и отправимся на фестиваль.

— Зачем нам тратить время, скажи, а?! А если его украдут? — не унимался один из спорщиков. Тот, что моложе всех, был явно раздражен. Я так разволновалась, что меня могут заметить, поэтому снова спряталась в подворотне и продолжала слушать, затаив дыхание.

— Затем, что теперь все знают про... Ты же у нас большой любитель фестиваля... Так скажи мне, фейерверки зажигают на... День? Правильно, на второй, так кому... Наш сундук? А ближе... Когда... Зажгут, все будут пьяны настолько, что... Вспомнят про... Мы захватим сундук и отправимся к узким... — «молчун», так я его прозвала, говорил сильно тише в отличие от остальных, поэтому половину слов мне пришлось додумать.

— Отличный план!

— Ладно, я в деле. Но этому барду не мешало бы настучать по репе за его песнопения...

— Себе настучи, раз... За зубами держать не умеешь. Алма была... Слишком зелен, чтобы брать тебя в дело.

Больше они ничего не говорили, а вслед за этим смолкнувшим разговором раздался стук копыт, когда я решила выглянуть, их уже не было видно. Единственное, что я успела запомнить — все трое были одеты в плащи с желтыми полосами, поэтому мне оставалось надеяться, что сегодня это не самая популярная расцветка. На фестиваль так на фестиваль, нужно как-то скоротать время и идти на главную площадь.

Выйдя на центральную улицу, я во все глаза разглядывала горожан, которые все прибывали и прибывали. Первый день Карнавала Солнца превратил улицы в безумный, пестрый поток — казалось, сама весна спустилась с небес и теперь бродила среди людей в масках и шелках. Издали толпа действительно напоминала огромное цветочное поле. Алые маки, золотые подсолнухи, белые лилии, темные ирисы, синие колокольчики, сплетенные из ткани, бумаги, дерева и тонких металлических пластин. Некоторые маски закрывали лишь глаза, другие — почти все лицо. Богатые украшали их позолотой и камнями, бедняки делали из крашеной ткани и картона, но по мере того, как начинало смеркаться, разница почти стиралась.

Город захлебывался музыкой, огнями и людским смехом. На улицах уже были расставлены столы для игр и состязаний. Кто-то проверял силу в «Крепкой руке» — старом развлечении портовых грузчиков, где двое сцепляли предплечья не ладонями, а ремнем через запястья, пытаясь заставить противника коснуться локтем деревянной стойки. Побеждала не только сила, но и выдержка. Рядом шли стрельбища: мужчины и женщины били по деревянным мишеням из луков и пружинных арбалетов, выигрывая дешевые украшения, выпивку или цветочные ленты. Чуть дальше дети крутили солнечные колеса — тонкие обручи с привязанными лентами и свечами, которые раскручивали на палках так, что в темноте они превращались в огненные круги. Весь остаток дня я слонялась из угла в угол в поисках места, где хранились фейерверки, а найдя, наконец, заняла место на ступеньках какого-то здания и принялась следить.

***

Наведавшись в ломбард Хасса, Калев отправился на центральную площадь, где фестиваль уже был в самом разгаре. Скрипки, барабаны, флейты и десятки человеческих голосов сливались в единый шумный поток, под который разодетая толпа босыми ногами отплясывала прямо у подножия огромной соломенной башни. Центральная площадь Каэрда превратилась в бурлящую клумбу цветов, где яркие маски, праздничные венки, пестрые плащи и разноцветные ленты бесконечно смешивались друг с другом в хаотичном танце. В этом живом водовороте почти исчезали различия между богатыми и бедными, моряками и ремесленниками, купцами и рыбаками — для танца нужны были лишь парочка уставших ног, немного музыки и решимость танцевать, несмотря ни на что.

Надо признать, что со стороны все это походило скорее на настоящее безумие, чем на праздник. Сам юноша никогда не участвовал в праздновании Дня Солнца, предпочитая наблюдать за весельем со стороны — чаще всего из-за прилавка с тиром, где каждый год собирались зеваки, слишком серьезные для буйных плясок. Годы шли, люди менялись, песни менялись, даже музыканты порой были другими, но сам День Солнца оставался неизменным, словно переживал поколения и не замечал, как меняется мир вокруг.

Калев шел через площадь, озираясь по сторонам, оставаясь для окружающих темным силуэтом среди сотен ярких пятен. Праздник цеплялся за него чужими голосами, смехом, запахом жареной рыбы, сладкой выпечки, пряного вина и дыма факелов, но все это раздражало его, отвлекало, мешало. Сейчас город был для него не местом веселья, а огромным лабиринтом, в котором предстояло найти одну слишком упрямую девушку, совершенно не понимавшую, насколько опасную игру она затеяла.

Тем временем речь губернатора подходила к концу. Он говорил о долгой зиме, которую вновь удалось пережить, о первом чистом восходе над Молочной бухтой, возвестившем об открытии навигации, о древних традициях, благодаря которым Каэрд оставался самим собой даже в самые тяжелые времена. Однако последние слова чиновника уже почти никто не слушал, ведь взгляды тысяч людей были прикованы лишь к возвышавшейся посреди площади соломенной башне, силуэтом напоминавшей гигантские песочные часы. Широкое основание постепенно сужалось к середине, после чего вновь расширялось кверху, устремляясь почти к крышам соседних домов. Казалось, будто дух зимы, холода, смерти был заточен внутри этих песочных часов, ожидая последних мгновений своего существования.

Когда губернатор поднес факел к основанию башни, площадь внезапно затихла. Всего на несколько ударов сердца, но Калебу показалось, что даже музыканты перестали играть, а дети, еще секунду назад носившиеся между взрослыми, замерли, не сводя глаз с темной соломы. Он подошел достаточно близко, как раз в тот момент, когда рука губернатора приблизилась к основанию фигуры. Сначала ничего не произошло, затем где-то в глубине сооружения послышался едва различимый сухой треск. Тонкая рыжая полоска огня робко поползла вверх, за ней — вторая, третья, и вдруг вся башня вспыхнула сразу.

Пламя стремительно взметнулось к ночному небу, с жадностью пожирая сухую солому, а жаркая волна прокатилась по площади, заставив ближайших зрителей и Калеба невольно отступить на несколько шагов. Огромный огненный столб осветил дома, крыши, лица людей и даже далекую гладь Молочной бухты, на которой вспыхнули тысячи золотистых бликов, будто само море откликнулось на древний обряд.

Площадь взорвалась ликованием: кто-то рядом с Калебом смеялся, кто-то кричал, дети хлопали в ладоши, музыканты одновременно ударили в барабаны и вновь заиграли с удвоенной силой. Люди обнимали друг друга, поднимали кружки, кружились в танце с первыми попавшимися незнакомцами, а пламя отражалось в сотнях масок, превращая их в живые языки огня.

Когда толпа качнулась вперед, рассыпаясь по площади пестрыми клумбами, Калев, должно быть, был единственным человеком во всем Каэрде, кто в этот момент даже не посмотрел на горящую башню. Его взгляд вновь и вновь скользил по бесконечному людскому морю, задерживаясь на масках, силуэтах, окнах домов, балконах, крышах лавок, где самые предприимчивые зрители устроились наблюдать за церемонией сверху. Он уже почти перестал верить, что сможет отыскать Марию среди этой бурлящей толпы, ведь она разменяла кольцо на деньги и наверняка купила себе костюм, но именно в этот момент его взгляд неожиданно зацепился за одинокую фигуру в невзрачном плаще у подножия ратуши.

Она стояла неподвижно, словно весь этот праздник существовал где-то отдельно от нее. Пламя гигантского факела освещало ее лицо, на котором смешались удивление, восторг и... Тревога? Чтобы не потерять драгоценное время, Калев заторопился на противоположную сторону площади.

Стараясь не выпустить Марию из виду, он решительно двинулся через толпу, но, стоило ему оказаться в самой гуще празднующих, как людское море тут же его поглотило. Как в страшном сне, его шаги становились вязкими и замедленными, а толпа цеплялась за его руки, призывая к участию в массовой пляске. Он был тем единственным человеком, чье присутствие казалось неуместным: спешащий, сосредоточенный и раздраженный, он с трудом пробивался сквозь толпу, и даже несмотря на то, что он возвышался над большинством людей на добрых две головы, раз за разом он все равно терял Марию из виду. Ее силуэт то исчезал за десятками поднятых рук, сплетавшихся в незатейливом танце, то растворялся за россыпью бенгальских

огней, то прятался за детворой, которую счастливые родители со смехом подбрасывали к небу под раскатистый бой барабанов. Ее образ возникал как видение, призрачное и едва уловимое, но Калев был не из тех, кто сдавался, не из тех, кого толпа была способна увести за собой и проглотить.

Но, изрядно запыхавшись, Калев перебрался на нужную ему сторону и к своему ужасу Марию там уже не нашел. В его голове гудел сумбур мыслей, а барабаны то ускоряли, то замедляли их ход. Если она сбежала ради фестиваля, то почему не участвует? Если она заложила кольцо, то почему осталась без костюма? Если присутствие на фестивале было ее целью, то почему она ушла в самый разгар праздника? А главное, как она сумела сделать это так быстро и незаметно?

Стоя на ступенях ратуши, раздосадованный и потерянный, Калев уже собирался снова броситься в толпу, когда машинально скользнул взглядом по темному проулку между домами. Что-то в нем было не так: среди беспорядочно пляшущих теней, отбрасываемых огромным праздничным факелом, одна двигалась слишком уверенно, затем рядом появилась вторая, третья. Калев невольно прищурился, позволяя глазам привыкнуть к темноте, и хаотичные пятна света наконец сложились в отчетливую картину. Несколько мужчин в плащах плотным полукругом окружили женщину, удерживая ее за руки. Лица скрывала темнота, но плащ был до боли знакомым — именно этот плащ он всего несколько минут назад старался не выпустить из виду и все равно потерял.

Все стало очень простым, мир сузился, и, не успев даже осознать увиденное, Калев одним рывком слетел со ступеней и бросился в переулок. Несколько широких шагов отделили его от света площади, и уже в следующее мгновение праздничный шум остался где-то позади. Барабаны глухо отдавались где-то под ребрами, флейты, будто замедленные и пьяные, продолжали выводить знакомую мелодию, которая с каждым ударом сердца становилась все уродливее и медленнее, пока правая рука Калеба безошибочно находила рукоять меча. Клинок бесшумно покинул ножны — настолько тихо, что на фоне беснующейся площади никто не смог бы различить этого звука, однако здесь, среди тесных каменных стен, казалось, будто сама ночь затаила дыхание.

Теперь Калев видел перед собой уже не людей — мишеней. Ближайшей из них был щуплый недоросль, который почти вплотную навис над Марией, так близко, что их лица разделяли всего пара сантиметров. Калев понадеялся, что это был элемент запугивания, а не что-то большее. Она стояла безропотно, зажмурившись, вжав голову в плечи и, вероятно, надеясь на счастливый случай, участие или хотя бы фору, длиной в секунду, чтобы вырваться и сбежать.

— Что такая маленькая серая мышь здесь делает? Что маленькая серая мышь вынюхивала сначала возле трактира, а теперь здесь? — почти ласково пропела мишень номер один, наслаждаясь собственным превосходством. — Ответь сразу, и твоя смерть будет быстрой. Сделай это, ведь о тебе все равно никто не заплачет...

Договорить мишень не успела. Расстояние между ней и Калевом исчезло в одно мгновение. Огромная фигура вырвалась из темноты так стремительно, что никто даже не успел обернуться на звук тяжелых шагов, звучавших в такт барабанам. Один-единственный взмах меча, за который Калев не так давно получил кубок на рыцарском турнире. Короткое, безукоризненно выверенное движение — слева и вниз. Лезвие вошло в левое плечо, с приглушенным, влажным хрустом прошло сквозь грудную клетку и вышло у самого бедра, едва не разрубив тело надвое.

Мишень номер один даже не вскрикнула. На мгновение Калев успел заметить, как Мария застыла, не в силах даже отвести взгляд. Всего мгновение назад этот человек говорил с ней, угрожал, смотрел ей прямо в глаза, а теперь он был способен лишь на то, чтобы пачкать своей кровью носки ее ботинок.

Второй разбойник только сейчас отпустил ее запястье и схватился за рукоять меча, но между этим движением и его смертью не прошло, кажется, даже удара сердца. Калев уже ока-

зался рядом, его огромная ладонь накрыла голову мишени номер два целиком, пальцы впились в грязные спутанные волосы до самой кожи, после чего Калев с чудовищной силой впечатал голову в каменную стену. Глухой удар эхом прокатился по узкому проулку. Тело обмякло мгновенно, Калев почувствовал, как вес тела перешел на немые, спутанные патлы, опутавшие его пальцы. Выдохнув, он разжал пальцы и небрежным движением отбросил обмякшую тушу в сторону.

Последний из троих попятился так резко, что едва не запнулся о брошенное тело своего товарища.

— Эй... эй... здоровяк... ты чего?.. — выставив раскрытые ладони перед собой, голос его предательски сорвался. — Забирай девку себе. Я пойду своей дорогой, а ты своей. Каждый останется при своем...

— А как же твои товарищи? — спокойно спросил Калев, заслонив собой Марию и медленно выставляя окровавленный меч вперед.

Мишень номер три нервно сглотнул и судорожно покосился на лежащие рядом тела.

— Эти?.. — почти взвизгнул он. — Да плевать мне на них! Они сами виноваты! Забирай девку, забирай все, что хочешь! Только меня не трогай!

Калев молча сделал шаг вперед.

Он прекрасно понимал, что перед ним трус, который готов продать кого угодно ради собственной шкуры, но именно такие люди чаще всего оказываются опаснее остальных. Он уже собирался закончить начатое одним коротким выпадом, когда неожиданно почувствовал, как чьи-то дрожащие, холодные пальцы крепко сжали его левую кисть.

— Постой, не нужно... — едва слышно произнесла Мария.

Он недоуменно повернул голову, и этого мгновения последнему разбойнику оказалось достаточно, чтобы, развернувшись, броситься прочь из проулка так быстро, словно сама смерть дышала ему в затылок. И он был прав.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.